

УТВЕРЖДАЮ
Директор ИИЕТ РАН
к. т. н. Д. Ю. Щербинин
« 10 » _____ 2016 г.

Отзыв

ведущей организации «Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН» на диссертацию Александра Юрьевича Антоновского «Коммуникация как эпистемологическая проблема: от теории коммуникативных медиа к социальной философии науки» на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.01 – онтология и теория познания

Прежде всего следует отметить важность выбранной темы с точки зрения истории естествознания и техники. Одним из центральных понятий естественных и – даже в большей степени – технических наук стало в XX веке понятие информации. Достаточно напомнить о недавних спорах между Стивеном Хокингом и Леонардом Сасскиндом по поводу потери информации в «черных дырах» и связанной с этим дискуссией о роли информации в квантовой космологии. Информационный обмен и обработка информации дали толчок к развитию вычислительных технологий, без которых сейчас немыслима никакая технология вообще. Между тем само понятие информации родилось в недрах теории автоматического управления как определенная формализация передаваемого субстрата в процессе коммуникации. В этом плане всякое действие, осуществляемое с информацией, может пониматься как отложенная коммуникация.

Проблема, которую ставит диссертант в значительно более широком и социально обусловленном контексте, состоит в экспликации теоретико-познавательного содержания процесса и понятия коммуникации. Это осуществляется в ходе рассмотрения ряда философских, прежде всего эпистемологических идей и концептов, при особом внимании к системно-теоретической интерпретации коммуникативного процесса.

Новизна данного исследования состоит в радикальном расширении понимания коммуникации, выведении его за пределы сферы языка и речевых актов. Формулируется широкое – технологическое, эпистемологическое, даже конструктивистское – понимание коммуникации, допускающее интерпретацию последней как формы познания (или, по крайней мере, особой формы наблюдения). Диссертант обосновывает тезис, что познавательные процессы и процессы наблюдения могут осуществляться не только в рамках классической человеческой коммуникации и когнитивных процессов (индивидуального человеческого восприятия и мышления), но и манифестироваться в «поведении» самого разного вида: биологических систем (клетки, организмы и их органы), мозга, сознания, культуры, общества, машин и т.д. – то есть везде, где проводятся дистинкции между предметом тех или иных операций и самими агентами операций; там, где имеет место – пусть самое примитивное и зачаточное – познание и примитивные самоидентификации.

Актуальность проблемы автор связывает с целым набором обстоятельств, прежде всего – с проблемой понимания высказываний Другого в современном обществе, с принципиальной бинарностью коммуникации, ориентированной, с одной стороны, на интеграцию и достижение взаимопонимания и согласия, а с другой – на информационное описание предмета сообщения, со сложной связью, которую образует коммуникация и когнитивные процессы (восприятие, познание, научение).

Диссертант ставит перед собой ряд целей и задач, среди которых ключевое – это попытка эксплицировать социально-коммуникативное содержание классических понятий теории познания. А.Ю. Антоновский претендует на выявление закономерностей, связывающих структуру научной коммуникации и научное знание с функционально-дифференцированной структурой общества и коммуникации, дает определение коммуникации как фундаментального когнитивного процесса.

В целом диссертанту удается защитить и обосновать ряд положений, которые выносятся на защиту:

1. Выделяются два особых, методологически значимых понятия, которые делают возможным описание коммуникативного процесса. Речь идет о понятиях «медиа и формы», понимаемых в качестве важных инструментов анализа познания и коммуникации.

2. Исходя из принципиально бинарной структуры коммуникации, делается вывод о некоем «магистральном пути развития коммуникации: в направлении от интеграционно-ориентированной коммуникации к коммуникации информационной». С точки зрения диссертанта, эволюция состоит в особом пути объективации общения: переходе от определенности коммуникации непроговариваемыми контекстами к ее современным формам, где контекст существенно редуцирован к предметному измерению коммуникации. Не контекст определяет решение об акцептации или отклонении коммуникации, но непосредственное содержание самих сообщений.

3. Особый интерес вызывает осуществленный в работе анализ научного знания (научных объяснений, специфичности научных законов в их отличии от акцидентальных генерализаций). Это осуществляется через сопоставление научного познания с «естественной» коммуникацией. Диссертант призывает отказаться от наивной установки, согласно которой лишь сам предмет научного интереса должен гарантировать истинность высказываний по его поводу и навязывает правильное понимание. Утверждается, что предметное измерение как научной, так и всякой другой, коммуникации должно быть дополнено социальным и временным измерениями. Для этого разрабатывается универсальное понятие *понимания*, характерное как для науки, так и для других форм социальности.

4. Диссертант весьма удачно применяет системно-коммуникативистский подход для установления связей и различий между

уровнями эмпирического наблюдения и теоретическими переменными в социальной теории.

5. Рассматривается организация научного знания в развитых (физических) дисциплинах, требующих редукции регулярностей феноменального уровня к скрытым на микроуровне теоретическим зависимостям между переменными. Этот анализ выступает фоном для сравнения организации научного знания в рамках социального теоретизирования, где редукции к ненаблюдаемой (теоретико-гипотетической) реальности дополняется реконструкцией эмерджентных эффектов коммуникации на макроуровне.

Обосновывая указанные положения, диссертант предлагает исторический экскурс в проблему коммуникации (Введение), предлагает для рассмотрения основные смыслы понятия коммуникации (повседневный, социально-теоретический, конструктивистский, информационно-вычислительный) с особым вниманием к их эпистемологической интерпретации.

В первой главе **«Символические медиа коммуникации знания»** рассмотрены так называемые «медиа распространения» коммуникации, в которые диссертант включает медиа «устного языка», «письмо», «печать», «электронные медиа телекоммуникации». А.Ю. Антоновскому удалось убедительно обосновать, что историческая специфичность типов распространения коммуникации предполагает и соответствующие различающиеся смысловые контексты коммуникации в предметном, пространственно-временном и социальном измерениях, или контекстах коммуникации. Переход от одного типа распространения к другому изменяет условия возможности понимания сообщений и как следствие – их акцептации. Диссертант указывает на то, что трансформация структуры коммуникативного времени приводит к распаду единства коммуникативного акта (сообщения – извлечения информации – понимания).

В первой главе рассматриваются заложенные в языке возможности наблюдения и познания (дигитализации, бинаризация, отрицания, рекурсивности и коннективности), их роль для интеграции и дезинтеграции языкового сообщества. Рассматриваются пространственно-временные трансформации процесса понимания в связи с переходами к новым медиа распространения знания. Диссертант делает вполне оправданный вывод, что всякий новый символический медиум, с одной стороны, решает актуальные коммуникативные проблемы социального порядка, но с другой – усложняет коммуникацию, генерирует новые коммуникативные трудности и требует разработки новых медиа коммуникации.

Во второй главе **«Истина и знания как медиа коммуникативного успеха»** исследуется фундаментальное различие между когнитивными типами общения, ориентированными на истину (как обобщенный символический медиум коммуникативного успеха), и всеми остальными – нормативно-мотивированными – типами коммуникации (правом, политикой, религией и др.). Автор убедительно доказывает, что в отличие от последних, специфика познавательной коммуникации заключается в том, что разочарования в ожиданиях (т.е. констатация ложности тех или иных суждений) приводят не укреплению «поврежденной нормы», а к пересмотру утвердившихся прежде ожиданий.

Особенно интересным нам представляется анализ, осуществленный в параграфе **«Научное знание в индивидуальной и в системно-коммуникативной перспективах»**. В развитие подходов и концепций Дэвида Блура, Стивена Фуллера, Серхио Сисмондо, Гарри Коллинза, Брюно Латура, Никласа Лумана анализируется бинарная наблюдательная перспектива в отношении научного знания. Последнее может рассматриваться, с одной стороны, в контексте делающего высказывание индивида (с ограниченными когнитивными возможностями, созидвающего высказывание), а с другой стороны – как знание, оценивающееся в самом широком контексте науки в целом. Ставится проблема: как вообще возможно

что-то знать, приходиться к консенсусу, если всякое (синтаксически идентичное) высказывание обнаруживает разные контексты? Является ли то, что мы признаем знанием в первом случае, таким же знанием, исходя из более «высокой» перспективы наблюдения?

В параграфе **«О понимании в расходящихся перспективах научного наблюдения»** анализируются исследования Карла Гемпеля, П. Фейрабенда, Н. Гудмена, С. Тулмина, Герберта Фейгля и ставится вопрос о том, возможно ли рассматривать научные исследования как обычную коммуникацию обычных людей, каковыми, безусловно, остаются ученые. Ведь всякое новое научное достижение является не только некоторым знанием, но и некоторым запросом на контакт, предложением общения, приглашением к дискуссии, требует проверки другими исследователями, а следовательно, и продолжения общения и образования коммуникативной системы.

В параграфе **«О теоретической форме социального знания»**, опираясь на системно-коммуникативный и социо-эпистемологический подход (предполагающий две референции в теории коммуникации – знание и общество), диссертант выделяет общее и различное в теоретических формах естественнонаучного и социального типов знания. Первая теоретическая форма знания анализируется на основании идей и подходов П. Дюгема, У. Хьюэлла, Д. Гершеля, Н. Кэмпбелла, М. Хессе, Э. Нагеля; вторая форма теоретического знания анализируются в контексте концепций М. Вебера, Т. Парсонса, Н. Лумана, Д. Коулмана.

Диссертант формулирует гипотезу о том, что наблюдать общество приходится исключительно по его наблюдаемым следствиям или эффектам, в то время как само оно, как конкретный пространственно-временной объект, ускользает от наблюдения. В связи с этой гипотезой ставится и рассматривается проблема социальных каузаций и их обобщений в социальных законах. Обосновывается вывод, что в мире самом по себе нет однозначно определенного разделения на внутренние и внешние

детерминации или каузации без учета наблюдательных перспектив того или иного наблюдателя.

В целом диссертанту удалось переработать большой эмпирический материал, привлечь и творчески применить множество теоретических подходов, ввести в оборот новые понятия, расширить горизонты утвердившихся понятий и теорий.

Вместе с тем приходится указать на ряд недостатков и упущений:

1. При обосновании актуальности следовало бы в большей степени остановиться на теоретическом исследовательском контексте проблемы, а не сосредотачиваться столь подробно на практической важности самого феномена коммуникации. В этом же контексте можно было бы указать на важность преодоления дисциплинарной обособленности коммуникативной теории, ибо это напрямую коррелирует с другими аспектами исследования.

2. В пункте о «разработанности проблемы» указаны авторы и труды, которые не имеют непосредственного отношения к обсуждаемой проблеме (например, работы П. С. Куслия, на наш взгляд, имеют весьма косвенное отношение к содержанию данного диссертационного исследования).

3. При определении «предмета исследования» следовало бы написать об истинностных, эпистемологических и когнитивных (интерпретативных) аспектах понятия коммуникации. Диссертант же сосредоточивается на социально-коммуникативном содержании понятий истины, знания и понимания. Это вносит некоторую путаницу в представления о соотношении эпистемических и социально-философских понятий.

4. Выглядит несколько странным отсутствие в задачах данного диссертационного исследования пункта про ориентированность на «междисциплинарность», которая в то же время убедительно анонсируется в других местах как важный аспект данной работы.

5. В положениях, выносимых на защиту, также нет внятного прописывания идеи междисциплинарности, не указывается место эпистемологических понятий (истины, знания, понимания), хотя они явно угадываются в утверждениях о социальном пространстве, времени, понятиях формы и медиа, действия и переживания. Осталось неясным, как именно все эти онтологические и социально-теоретические обсуждения в итоге влияют на эпистемологическую составляющую понятия коммуникации. Эти связи, безусловно, обнаруживаются в тексте, но не прописаны явным образом в «положениях, выносимых на защиту». В результате читатели вынуждены выстраивать их самостоятельно и испытывают определенные трудности на этом пути.

Говоря о претензиях, отметим также, что диссертация в целом могла быть написана более понятным языком. Впрочем, эти трудности могут объясняться тем, что автору приходилось переводить терминологические изыски современных западных толкователей проблемы коммуникации. Унифицировать понятийный аппарат в условиях высочайшей комплексности этого понятия и множественности подходов, действительно, трудно.

Приведенные замечания в основном носят формальный и технический характер. Что касается общей оценки, то можно смело утверждать: работа представляет собой адекватное и детальное воспроизведение современных дискуссий в данной области. Тезисы, выносимые на защиту, свидетельствуют об оригинальной переинтерпретации традиционных взглядов и вносят новизну в означенные дискуссии. Аргументацию автора следует признать достаточно убедительной.

Диссертация А.Ю. Антоновского имеет несомненную научно-практическую ценность, и ее результаты могут и должны использоваться в соответствующих курсах по теории познания, социальной эпистемологии и философии науки, читаемых бакалаврам, магистрам и аспирантам, специализирующихся по специальности «философия».

Основные результаты диссертационного исследования опубликованы в научных изданиях, рекомендованных ВАК, а также включенных в международные базы цитирования Scopus и Web of Science. Автореферат диссертации соответствует ее содержанию.

Диссертационное исследование А.Ю. Антоновского «Коммуникация как эпистемологическая проблема: от теории коммуникативных медиа к социальной философии науки» соответствует требованиям ВАК пп. 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней», предъявляемых к диссертациям на соискание ученой степени доктора философских наук. Автор, бесспорно, заслуживает присвоения искомой степени доктора философских наук по специальности 09.00.01 – «онтология и теория познания».

Отзыв подготовлен доктором философских наук, зав. Отделом методологических и социальных проблем развития науки ИИЕТ РАН Кузнецовой Наталией Ивановной, обсужден и утвержден на заседании Отдела (протокол № 11 от 26 мая 2016 г.).

Зав. Отделом методологических и социальных проблем развития науки д.ф. н., проф.

 Н. И. Кузнецова

Дата: 26 мая 2016 г.

Сведения о ведущей организации:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

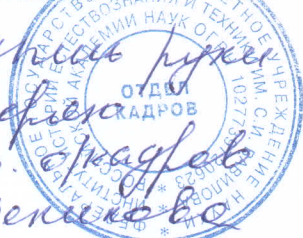
Институт истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН

Адрес: 109012, Москва, Старопанский пер., 1/5

Телефон: +7 495 988 22 80

Электронная почта: postmaster@ihst.ru

Сайт: www.ihst.ru

Подпись
зав. кафедрой
Орлова
Н. И. Кузнецовой